

жюльверновской традиции просветительства к функции интеграции образа современного научного знания в обыденном сознании. При этом, рожденная на «стыке» литературы и науки, она всегда выступала своего рода «транслятором» образа науки, т. е. объективно выполняла функцию адаптации обыденного сознания к современной науке.

¹ Большая Советская Энциклопедия.— М., 1974.— С. 997.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 322.

³ Бритиков А. Ф. Пафос космизации в научной фантастике. // Современный советский роман (философские аспекты).— М., 1979.— С. 240.

⁴ Гонкуры Э. и Ж. Жармини Ласерте; Актриса; Отрывки из дневника.— Л., 1961.— С. 391—392.

⁵ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса.— М., 1976.— С. 171.

⁶ Ойзерман Т. И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии.— 1967.— № 4.— С. 123.

⁷ Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания.— Л., 1982.— С. 36.

⁸ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса.— С. 170.

Е. О. ПОПЕЛЬСКАЯ

ПРИНЦИП СКЕПТИЦИЗМА В ГНОСЕОЛОГИИ ДЖОРДЖА САНТАЯНЫ

Первой зрелой работой Джорджа Сантаяны по эпистемологии является книга «Скептицизм и животная вера»¹. Философ начинает изложение своей теории познания с замечания о том, что поиск истинной точки зрения на различные вопросы бытия несовместим со столкновением многочисленных мнений, Необходимо найти метод исследования, который поможет выяснить, почему люди некоторые утверждения принимают за истинные или верят в них. Сантаяна убежден, что прежде, чем поверить, человек должен иметь потребность в этой вере, а также узнать, на чем она основана, что ее постоянно поддерживает и на что она будет опираться. По его мнению, в «путанице» человеческих вер можно выделить обязательный фактор, называемый фактом, на фоне менее обязательного, именуемого предположением или интуицией. Следовательно, задача философа — «освобождение нашего интеллекта от произвольных и нежелательных заблуждений и сведение условных вер к признанию фактов»².

Сантаяна отвергает возможность необоснованного возникновения веры человека в существование очевидных фактов, считая необходимым проследить, как, посредством чего ее можно обрести. Поскольку «скептицизм есть подозрение в ошибочности фактов»³, все они должны подвергаться сомнению и проверяться.

Философ отличает сомнение в достоверности исторических фактов от сомнения в достоверности физических явлений. Поскольку люди в различные времена и в разных обстоятельствах по-разному понимают результаты «созерцания истории», а также ее «опыт», то предполагается, что сомнение в существовании достоверных фактов приобретает тотальные размеры и приводит к сомнению в существовании достоверных физических явлений. Однако Сантаяне представляется более благоразумной противоположная процедура. Она состоит в следующем: «Знание фактов, сообщаемых историей, опосредовано документами, которые являются физическими фактами, и эти документы должны быть вначале открыты и взяты на веру...»⁴. Так философ приходит к мысли о существовании материального мира и физических явлений. Однако признание этого существования не подтверждается, поскольку, по его мнению, в человеческом опыте нет ничего, что могло бы гарантировать такое существование. Даже если какой-нибудь человек будет верить в достоверность таких оснований, то это не будет верой как таковой, а всего лишь ощущением тождественности этого человека порядку накопления опыта. Акцент на субъективной непрерывности опыта перерастает в итоге в идентификацию субъективной непрерывности с ее физической основой.

В этом проявилась несостоятельность попыток философа провести идеи материализма. Позиция Сантаяны есть не что иное как солипсизм: нет доказательства существования материального мира; субъективная непрерывность опыта отождествляется с порядком его накопления. Введение понятия «опыт» уже свидетельствует о том, что философ не в состоянии решить вопрос об отношении сознания и материи. По замечанию В. И. Ленина, «слово «опыт» ... давным-давно служило для прикрытия идеалисти-

ческих систем и служит сейчас у Авенариуса и К^о для эклектического перехода от идеалистической позиции к материализму и обратно»⁵. Применительно к философии Сантаяны введение понятия «опыт» можно понимать как попытку занять «нейтральную», а по существу, противоречивую позицию, когда на словах признается существование реального мира, а на деле оно объясняется с точки зрения солипсизма.

Однако американский философ отличает свою точку зрения от традиционного солипсизма и называет себя «солипсистом настоящего момента». «Любой солипсизм, — пишет Сантаяна, — который не является солипсизмом настоящего момента, является логически невыполнимым»⁶. Стремясь отмежеваться от других типов солипсизма, философ анализирует «романтический» солипсизм. Суть последнего, по его мысли, состоит в том, что человек верит в реальность своего прошлого опыта и все ожидания будущего основывает на нем; не отказываясь от этой веры как сомнительной, включает ее в систему видения мира. Однако прошлое, по концепции «романтического» солипсизма, есть постоянно изменяющиеся воспоминания с неопределенным числом компонентов. В зависимости от обстоятельств в картину прошлого могут включаться дополнительные идеи, которые вовсе не являются достоверными фактами. В этом случае, считает философ, солипсист перестает быть настоящим скептиком (по его мнению, солипсист настоящего момента есть истинный скептик).

Сантаяна настаивает на более радикальной позиции. Скептик, разделяющий точку зрения «солипсиста настоящего момента», отвергает все догмы (включая и прошлый опыт), отрицает зафиксированные в прошлом научные постулаты, опровергает мысли о том, что будущее похоже на прошлое и поэтому может подчиняться его законам. Сантаяна идет еще дальше и вслед за идеей прошлого отвергает все догмы и так называемые «первые принципы», полагая, что существует водораздел между догматизмом и тотальным скептицизмом. Философ убежден, что, даже если мы используем какие-либо догмы, они всегда произвольны и инстинктивны.

В утверждении Сантаяны о том, что первые принципы, принимаемые как самоочевидные истины, не могут существовать и используются лишь инстинктивно, заключена явная ошибка. Первые принципы имплицитно содержатся или используются фактически в любом рассуждении, которое начинается с посылок и должно придти к заключению. Однако это не значит, что первые принципы даны априорно или их применение обусловлено стихийными побуждениями. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» убедительно показал, что «...практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение а к с и о м»⁷.

Однако претензии Сантаяны на всеобщий скептицизм — лишь красивая поза. Он признает в результате, что от догмы нужно не отказываться, а пересмотреть ее с точки зрения более элементарной, т. е. такой, к которой еще не применено сомнение. Сантаяна использует первые принципы постоянно: он рассуждает о внутреннем противоречии («Царство истины», с. 23, с. 466), о причине и следствии, части и целом (там же, с. 528; «Царство материи», с. 99—100), тождестве и противоречии («Царство сущности», с. 18—19)⁸.

Принцип скептицизма у американского философа предполагает сомнение во всем, кроме настоящего момента. Однако содержание этого понятия им до конца не разъясняется. Во-первых, он настаивает на сомнительности веры во всё, кроме мимолетной «картины», и называет ее данным; во-вторых, подчеркивает ценность положительной веры в то, что ничего, кроме данного, не существует; в-третьих, обращает внимание на чувство недоверия ко всему, что остается после данного — «запредельному».

Солипсист настоящего момента, используя принцип скептицизма, не должен допускать веры в существование каких-либо реальных изменений. При этом он различает непосредственный опыт изменений и изменение непосредственного опыта. Первое является обманчивым изменением, поскольку в созерцании смены различных звуковых или цветовых оттенков мы не наблюдаем полной смены существующего положения вещей, а только переходы определенных аспектов этого общего положения. В изменении непосредственного опыта Сантаяна также сомневается. На основании того, что констатация изменения должна базироваться на одновременном «пере-

живании» двух типов опыта, философ заявляет о невозможности, нереальности такого изменения. Заключив, что в «данном нам опыте» нельзя найти ничего, что могло бы обосновать веру в реальные изменения, Сантаяна ставит под сомнение реальность изменений в самих познавательных актах, поскольку множественное число — «акты» — подразумевает последовательные временные серии. В применении принципа скептицизма Сантаяна идет дальше декартовского «мыслю, следовательно, существую», так как американский философ сомневается и в «мыслю», которое предполагает процесс изменения.

Отрицание изменений ведет к отрицанию реального движения в материальном мире, к непониманию диалектической взаимосвязи материи и движения. Попытки Сантаяны отказаться от диалектического изменения и построить своеобразную картину мира с точки зрения настоящего момента не увенчались успехом. И в самом опыте изменения, и в изменении опыта мы наблюдаем, ощущаем и осознаем объективные, независимые от нас изменения. Ничто не находится в статичном, изолированном от переходов и изменений состоянии; процесс развития охватывает все сферы бытия и неразрывно связан с материей. Метафизический подход философа есть не что иное, как признание существования материи без движения. Диалектический материализм исходит из того, что «движение есть способ существования материи... Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи»⁹.

Попытки Сантаяны отстоять свою позицию (существование материального мира без движения) посредством веры в то, что «дано» в настоящий момент, приведут его в конечном счете к отказу от возможности приблизиться к объективной истине. Механическая смена «настоящих моментов», которую только теоретически, а не реально допускает Сантаяна, приводит к набору утверждений, каждое из которых будет истинным только в определенном контексте. Истина никогда не приобретает статуса объективности, независимости от нашего сознания и субъективных факторов, вплетенных в структуру настоящего момента. Для того чтобы получить знание подлинно научное, достоверное, объективное, необходимо учитывать прошлый опыт достижения истины и предполагать относительность нашего настоящего уровня знаний.

Итак, Сантаяна пришел к выводу, что не существует ничего, что может считаться несомненным за исключением «данного» в настоящий момент. Любой скептик, даже отстаивающий самую радикальную позицию, должен подразумевать существование чего-то несомненного, т. е. непосредственно данного. «Мой скептицизм, — пишет Сантаяна, — достиг наконец сути, и мое сомнение обрело заслуженный покой в абсолютно несомненном»¹⁰. Хотя скептик не может признать существование как факт, он допускает такую возможность, как реализацию особой формы бытия. Это не значит, что такая форма бытия была кем-то воспринята и что ее существование никогда не должно вызывать сомнений. Просто эта форма есть то, что она есть. Так Сантаяна приходит к определению сущности.

Сущность не является ни вещью, ни ее образом, ни ее идеей. Несмотря на то, что Сантаяна использует иногда эту терминологию, его определения не представляют собой точных дефиниций. Говоря о сущности, философ подчеркивал, что «ничто не является данным как физическое или мысленное в смысле бытия ... вещи или мысли; это есть определенное качество бытия»¹¹. Сущность как бы «предстает» перед нашим сознанием. Чаще всего мы не фиксируем на ней внимания, предаваясь больше различным чувствам, — страха, радости и т. д. Несмотря на это, сущность более очевидна, чем чувства, поскольку последние вызываются предметами, а сущность ничем не вызывается. Мы можем менять свое отношение к сущности, но сама она никогда не меняется. Познать сущность, по мысли Сантаяны, невозможно. Только посредством интуиции мы можем приблизиться к ее постижению, которое и есть конечная, но недостижимая цель.

Исходя из того факта, что сущность является непосредственно данной, Сантаяна фактически связал начало и конец процесса познания воедино, т. е. вместо материи, непосредственно данной нам в ощущениях, он поставил сущность, объединяющую все качества многообразного мира. Так, признавая возможность иррационального постижения существования материального мира посредством так называемой «животной веры», Сантаяна не кладет его в основу первичных чувственных данных. «Ни один идеалист не будет отрицать в таком случае первичности природы, ибо на деле

это не первичность, на деле природа не берется за непосредственно данное, за исходный пункт гносеологии», — писал В. И. Ленин¹². Результатом такой подстановки является объективно-идеалистическая интерпретация результатов познания: идеальные сущности содержат в себе истинное знание о мире, которого человек не может достичь.

Сантаяна приходит к выводу, что вера в существование окружающего мира, включая и собственное «я», бездоказательна и основывается на иррациональном подтверждении. Переход философа от доказательства к иррационалистической теории «животной веры» есть проявление внутренних противоречий его системы, основанной на принципе скептицизма. Схема его рассуждений укладывается в структуру такого умозаключения: «если что-то существует, но я не могу этого доказать, то я в это верю».

Последовательное применение принципа скептицизма и постоянная апелляция к вере уводят Сантаяну все дальше от рациональной схемы построения знания к иррационализму, релятивистскому отрицанию диалектического пути достижения истины. Сам характер постановки вопроса: можно ли доказать существование объективного мира — подтолкнул философа сначала к сомнению, а затем к отрицанию такой возможности. Позиция «солипсиста настоящего момента» проложила дорогу субъективно-идеалистической интерпретации основных теоретико-познавательных проблем. В решении проблемы соотношения «царств» материи и сущности он стоял на позициях объективного идеализма. Противоречивые взгляды философа были обусловлены общим кризисом буржуазной философии и стремлением создать новый тип «нейтральной» философии. В. И. Ленин назвал буржуазный скептицизм «мертвой и мертвящей схоластикой» и указал, что его сущность заключается в «отчаянии в возможности научно разбирать настоящее, спрятаться от всяких «законов» исторического развития...»¹³ Сантаяне в этом случае был открыт один путь — обращение к иррационализму, обоснование своих гносеологических выводов посредством так называемой «животной веры».

¹ См.: Santayana G. Scepticism and Animal Faith.— London, 1923.

² Ibid.— P. 3.

³ Ibid.— P. 8.

⁴ Ibid.— P. 13.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 154.

⁶ Santayana G. Scepticism and Animal Faith.— P. 14.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 172.

⁸ См.: Santayana G. Realms of Being. One — volume edition.— London, 1942.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 20.— С. 20.

¹⁰ Santayana G. Scepticism and Animal Faith.— P. 74.

¹¹ Ibid.— P. 92.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 238.

¹³ Там же.— Т. 25.— С. 44.

Н. Н. БОНДАРЬ

ДИАЛЕКТИКА СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Курс на подъем благосостояния народа является высшей целью стратегии КПСС. «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях — начало и конечный пункт экономической политики партии», — подчеркивалось на XXVI съезде КПСС¹. Опираясь на теорию и практику развитого социализма, партия разработала и последовательно осуществляет научно обоснованную программу обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития всех членов социалистического общества. Личное потребление тесно связано с решением этой задачи. В процессе потребления удовлетворяется ряд материальных и духовных потребностей индивидов. Увеличение объема потребления ведет к росту народного благосостояния, высокий уровень которого является неотъемлемым условием всестороннего развития личности. Общественная собственность на средства производства, ликвидация эксплуатации человека человеком обеспечивают непосредственную связь производства и потребления при социализме. Производство подчинено и служит потреблению. «Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом